

ГЛАВА II. Смерти вопреки

Блокадный рацион

Бабушка ставила на угли в печи большую кастрюлю с водой. Бросала туда немного крупы или муки. Иногда макароны. Добавляла засоленную хряпу или требуху. В итоге получалась некая таинственная мутная вода. Бабушка разливала ее

в кружки и давала нам кусочек хлеба весом где-то 40 грамм. И так три раза в день. Это никак не давало ощущения сытости, но зато организм получал тепло и регулярную поддержку. Убедить нашу бабушку изменить такой рацион было невозможно.

В октябре мы получали в булочной, расположенной в нашем доме, по 200 грамм хлеба на члена семьи. Это была часть буханки. Бабушка делила ее на три части, а затем разрезала каждую часть еще на четыре. Она считала, что человек должен есть три раза в день. Затем норма хлеба снизилась до 150 грамм на человека. Как мог, выручал самовар – давал кипяток.

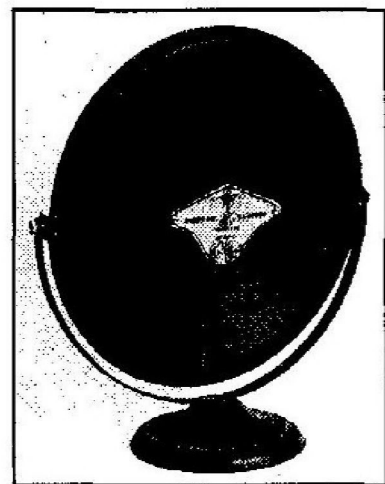
В эти тяжелые дни как-то особенно проявилась наша школьная дружба. На занятия и обратно мы шли вместе. После отбоя тревоги спешили зайти друг к другу, чтобы узнать — живы ли и нужно ли помочь в чем-то. Мой одноклассник Марк Червяков, сын знаменитого кинорежиссера⁶, несколько раз приносил нам в маленькой стеклянной баночке остатки супа

⁶ Червяков, Евгений Вениаминович (1899–1942) — российский, советский кинорежиссер, актер, сценарист; командир Красной армии, героически погибший при обороне Ленинграда под Мгой. Автор знаменитых фильмов «Девушка с далекой реки» (1927), «Поэт и царь» (1927), совместно с Владимиром Гардиным. Последняя работа — не только первый фильм о Пушкине, но и первая советская кинопостановка на историко-биографическую тематику. Вместе с киностудией «Ленфильм» Е. В. Червяков подлежал эвакуации, но написал заявление с просьбой оставить его для участия в защите города.

из столовой «Ленфильма» для Джоя. Марк счищал эти остатки с разных тарелок.

Радио

Расставшись с личным радиоприемником, мы стали получать информацию исключительно из репродуктора, представлявшего собой круглую черную тарелку. Первые сообщения поступали в 6 утра. В промежутках между ними постоянно звучал метроном. Его быстрый темп означал воздушную тревогу. Передавались также сводки военных новостей, объявления о выдаче продуктов. Мы слушали симфоническую музыку, детские радиоспектакли. В декабре музыка уже не звучала.

*Домашний
репродуктор*

О стихах Ольги Берггольц⁷, звучавших в ее

⁷ Берггольц, Ольга Федоровна (1910–1975) — русская советская поэтесса, прозаик. Родилась в семье хирурга латышского происхождения. Оставшись в осажденном Ленинграде, работала на радио, ежедневно обращаясь к жителям блокадного города. В этот период создала свои лучшие произведения: «Февральский дневник» и «Ленинградская поэма». После войны на гранитной стеле Пискаревского мемориального кладбища было высечено именно ее стихотворение, а строчка «Никто не забыт и ничто не забыто» стала известна каждому жителю страны.

исполнении по радио, известно многим. Но лично мне очень запомнилась поэма казахского поэта Джамбула⁸ «Ленинградцы, дети мои»:

...Вижу своды ваших мостов,
Зорь балтийских голубизну,
Фонарей вечерних рои,
Золоченых крыш остря...
Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!
Не затем я на свете жил,
Чтоб разбойничий чують смрад,
Не затем вам, братья, служил,
Чтоб забрался ползучий гад
В город сказочный, в город-сад...

В психологическом плане радио осуществляло огромную поддержку жителям города. В октябре, к примеру, прозвучало сообщение, что Карповские бани (сейчас на этом месте расположена недостроенная до сих пор гостиница) предоставляют возможность помыться жителям Петроградского района.

Мы сразу же отправились туда втроем: моя одноклассница Шура Милюк, младшая сестра Таня

⁸ Джамбул Джабаев (каз. Жамбыл Жабаев, 1846–1945) — казахский советский поэт-импровизатор (акын) и певец, депутат ВС Казахской ССР (1938), лауреат Сталинской премии (1941). Его песни прославляли жизнь в СССР и широко распространялись властями.

и я. Отстояв несколько часов в огромной очереди на сильном холоде, мы все-таки попали в женский класс и помылись. Но как только отправились одеваться, мне стало плохо. И худенькая Шура тащила меня на себе вплоть до нашего дома.

Глазами Джоя

В ноябре мы уже добрались до «сметок» нашего верного Джоя. Собаку стало попросту нечем кормить. Кроме того, с ним было невозможно выйти на улицу. Голодные люди пытались отнять Джоя то у меня, то у мамы. В итоге он справлял свои естественные нужды прямо в квартире. На лестницу его также было опасно выводить. Когда мы подтирали за ним, Джой плакал от стыда. Слезы лились из его карих глаз ручьем, но он никогда не скулил, ничего не просил и просто тихо лежал на своем месте.

Джой

Под его мордой растекалась лужа из слез и слюны. Бабушка пыталась подкармливать Джоя нашей «бурдой», но он был слишком большим, чтобы наесться. Однажды к нам пришел полотер, услугами которого мы пользовались до войны, и попросил

отдать ему собаку. Он честно признался, что хочет ее съесть. Мама отказала ему и через несколько дней отвела Джоя в ветеринарную лечебницу в Новой деревне, где его усыпили. Вернулась она домой почерневшая от горя и слегла с высокой температурой.